

УДК 930.85+24

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА БУДДИЙСКИЕ ИНСТИТУТЫ КАЛМЫКИИ В 1917–1924 гг.: ПРИЧИНЫ И СПЕЦИФИКА

Бадмаева Екатерина Николаевна

доктор исторических наук, доцент,

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,

Элиста, Российская Федерация

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

Социально-политические преобразования в России после революции 1917 года кардинальным образом изменили систему государственно-конфессиональных отношений, положив начало масштабному наступлению на религиозные институты. Данное исследование посвящено анализу причин и специфики партийно-государственного наступления на буддийские институты в Калмыкии в период 1917–1924 гг. В работе рассматривается общая политика советской власти по отношению к религии, направленная на её полную ликвидацию и нашедшая отражение в раннем советском законодательстве. Особое внимание уделяется мотивам и характеру ускоренного решения «религиозного вопроса» местными партийно-государственными структурами Калмыкии, где главным объектом репрессивной политики стали буддийское духовенство и хурулы (монастыри).

В работе подробно анализируется содержание антибуддийских мероприятий, которые зачастую не соответствовали официальным декларациям центральной власти. Ключевым аспектом исследования является кампания по изъятию церковных ценностей, которая рассматривается в диалектике как попытка религиозных учреждений оказать бескорыстную помощь голодающим Поволжья и как циничная акция органов власти, использовавших гуманитарную катастрофу для маскировки грабежа буддийской церкви. Делается вывод о том, что конфессиональная политика в регионе в указанный период носила выраженный репрессивный и зачастую несогласованный характер, предвосхитивший более жестокие гонения последующих лет.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Буддизм, религия, Калмыкия, репрессивная политика, антирелигиозная кампания, голод, законодательство, церковные ценности, органы управления, изъятие ценностей.

UDC 930.85+24

PARTY-STATE OFFENSIVE AGAINST BUDDHIST INSTITUTES OF KALMYKIA IN 1917–1924: REASONS AND SPECIFICS

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

The sociopolitical transformations in Russia following the 1917 Revolution radically altered the system of state-confessional relations, ushering in a large-scale attack on religious institutions. This study analyzes the causes and specifics of the party-state attack on Buddhist institutions in Kalmykia between 1917 and 1924. The paper examines the overall policy of the Soviet government toward religion, aimed at its complete elimination and reflected in early Soviet legislation. Particular attention is paid to the motives and nature of the accelerated resolution of the “religious question” by local party-state structures in Kalmykia, where the Buddhist clergy and khuruls (monasteries) became the primary targets of repressive policies.

The paper provides a detailed analysis of the content of anti-Buddhist measures, which often conflicted with official declarations by the central government. A key aspect of the study is the campaign to confiscate church valuables, which is examined dialectically: as an attempt by religious institutions to provide selfless aid to the starving people of the Volga region and as a cynical act by authorities exploiting the humanitarian catastrophe to disguise the plunder of a Buddhist church. The conclusion is that religious policy in the region during this period was distinctly repressive and often uncoordinated, foreshadowing the more brutal persecutions of subsequent years.

Key words

Buddhism, religion, Kalmykia, repressive policy, anti-religious campaign, famine, legislation, church valuables, government bodies, confiscation of valuables.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования многогранна и обусловлена комплексом научно-познавательных, социально-политических и мемориальных факторов. Исследование направлено на ликвидацию значительного пробела в отечественной историографии, связанного с целенаправленным сокрытием и фальсификацией в советский период подлинных масштабов и механизмов политических репрессий, в особенности в отношении религиозных групп. Автор фокусируется на буддийском духовенстве, чья история репрессий до недавнего времени оставалась одним из наименее изученных «белых пятен» новейшей истории России.

В условиях современного усиления интереса к вопросам государственно-конфессиональных отношений и поиска моделей конструктивного диалога между властью и религиозными объединениями, обращение к историческому опыту становится особенно востребованным. Исследование предоставляет возможность непредвзятого, деидеологизированного осмысления практик взаимодействия, контроля и подавления религиозных институтов в прошлом.

Повышенную научную ценность и актуальность придает выбранный нами региональный фокус на Республике Калмыкия как уникальном буддийском регионе России. Такой подход позволяет детально проанализировать, как общероссийская антирелигиозная политика трансформировалась и реализовывалась на местах, выявить не только универсальные закономерности репрессивного аппарата, но и специфические региональные черты, особенности сопротивления и адаптации религиозной общины. Это позволяет перейти от абстрактных обобщений к глубокому, локализованному пониманию исторических процессов.

Таким образом, актуальность исследования определяется его вкладом не только в сугубо академическую историческую науку, но и его значимостью для современных общественных дискуссий, государственной политики и процессов национального примирения и сохранения памяти.

Цель исследования — проанализировать характер, методы и этапы политики советской власти по отношению к буддийскому духовенству в Калмыкии в период с 1917 по 1924 гг. и дать оценку этой политике. Для достижения поставленной цели автор решает следующие задачи: выделить и охарактеризовать основные этапы репрессивной политики советской власти в отношении буддийского духовенства в указанный период; проанализировать ключевые законодательные и нормативные акты советской власти, которые легли в основу антирелигиозной политики; исследовать конкретные мероприятия властей в Калмыкии: национализацию церковного имущества, введение дискриминационных налогов, реквизиции; подробно изучить кампанию по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим, показав ее истинные цели и методы проведения на примере Калмыкии; показать реакцию и позицию буддийского духовенства на действия советской власти.

Предметом исследования является политика советской власти (как центральной, так и региональной в лице органов управления Калмыкии) по отношению к буддийскому духовенству и церковным институтам в период 1917–1924 гг.

Объектом исследования выступает само буддийское духовенство Калмыкии как главная жертва проводимой политики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основу источниковой базы данного исследования составили неопубликованные архивные материалы, извлеченные из фондов Национального архива Республики Калмыкия (НАРК). В процессе работы был проведен сплошной просмотр дел, содержащих документы по буддийской тематике за период 1917–1924 гг. Ключевыми для анализа стали следующие типы документов: документы партийных и государственных органов, отчеты и докладные записки, статистические и учетные данные, переписка официальных лиц. Кроме того, в работе использованы опубликованные источники: официальные документы, публикации и речи представителей власти, справочные и архивные публикации.

Для решения поставленных задач в исследовании был применен комплекс общенаучных и специальных исторических методов — историко-генетический, позволивший проследить происхождение и этапы развития партийно-государственной системы в отношении буддизма в Калмыкии, выявить причинно-следственные связи между решениями центра и их реализацией на местах. Сравнительно-исторический метод был использован для проведения сравнений между методами, применявшимися в центре (против Русской Православной Церкви) и в национальных регионах (против буддистов Калмыкии), а также между подходами разных представителей местной власти к решению «религиозного вопроса». Метод системного анализа позволил рассмотреть советскую антирелигиозную политику как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: идеологической пропаганды, экономического подрыва церкви (изъятие ценностей), административного давления и прямых репрессий.

ОБСУЖДЕНИЕ

Взаимоотношения партийно-государственных органов власти и церкви всегда находились под пристальным взглядом политиков, общественных и религиозных деятелей, а также привлекали непосредственное внимание зарубежных и отечественных исследователей. Впервые в Российском государстве вопрос о взаимоотношении церкви и государства был поднят более полутора века назад В.И. Лениным (1969). Первая Конституция 1918 г., подписанная вождем мирового пролетариата, закрепила принцип отделения церкви от государства и свободы антирелигиозной пропаганды. Так, в ст. 13 гл. 2 Конституции РСФСР отмечалось, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (СУ РСФСР, 1918). На этих принципах базировалась вся атеистическая мысль того периода и в основном озвучивалась в 1920-е гг. в публичных выступлениях и публикациях представителей советской власти и органов управления в Калмыкии: Х.Б. Канукова, А.Ч. Чапчаева, Ф.И. Плюнова, У.Д. Душана и другими представителями руководства КАО (1926, 1973; 1970; 1922; 1928).

В научных исследованиях советского периода идеологическая деятельность партии большевиков трактовалась не иначе, как прогрессивная борьба с религиозным течением, и религия являлась «опиумом для народа», соответственно, миролюбивая

деятельность священнослужителей всех конфессий носила контрреволюционный характер. В то же время массовые репрессии ВЧК, ГПУ–ОГПУ, НКВД против духовенства, в том числе буддийских священнослужителей и верующих, целенаправленно не показывались. В 1990-е годы интерес к исследованию «государство — религия» вновь усиливается. В калмыцкой историографии появляется ряд серьезных научных трудов, рассматривающих буддийское духовенство с новых методологических позиций, опирающихся на архивные материалы, ранее недоступных исследователю (Бакаева, 1994, 2012; Дорджиева, 1995, 2001, 2012; Максимов, 2004; Бадмаева, 2000, 2006, 2009, 2011; Басхаев, 2007) и др. Авторами обстоятельно подверглись анализу процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы, ими подробно исследована жесткая репрессивная политика советского государства против буддийских священнослужителей, детально рассмотрена и дана оценка беспрецедентной акции в 1920-х гг. по изъятию церковных ценностей, в том числе калмыцких хурулов (церквей) во время голода 1921–1924 гг.

В советской региональной историографии доминирует точка зрения в том, что советская власть предпочитала полностью уничтожить религиозную идеологию (Орехов, 1977; Убушиева, 1980, 1983, 1984; Бембеев, Наберухин, 1985). По мнению исследователей, установка на жесткий террор в отношении буддийского духовенства нашла отражение в письме В.И. Ленина «Членам Политбюро. Строго секретно» от 19 марта 1922 г.: «изъятие ценностей, в особенности богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок» (Архивы Кремля, 1997: 143).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В целом государство и все конфессии в Российском государстве на протяжении всей своей многовековой истории достаточно тесно взаимодействовали. Как известно, буддизм в жизни калмыцкого народа играл основополагающую роль. В Калмыкии, на территории которой основными религиозными конфессиями являлись буддизм и православие, исповедовались два многочисленных этноса региона — калмыки и русские. Буддизм в начале XX в. оказывал огромное влияние на процесс складывания калмыцкого этноса и его государственности, а также на формирование его духовной среды. Буддизм в своей буддийской философии исповедовал всю систему ценностных ориентаций калмыцкого народа, касающихся общественно-политической, социальной, хозяйственно-экономической, этической и других сторон жизни. Накануне Великой Октябрьской революции в Калмыкии насчитывалось 69 хурулов (монастырей) с 80 храмами, в которых проживало около 3 тыс. гелюнгов, гецюлей и манджиков, что составляло 3% всего калмыцкого населения, или на 40 чел. приходился один гелюнг (Овчинников, 1967: 46)

Неоспоримо, что калмыцкий народ черпал в буддизме моральные силы для борьбы с врагом, защищая свое Отечество, и экономическими катаклизмами в форме голодных бедствий, засухи и неурожая. Революционные события 1917 года привели к падению нравственных устоев общества, что не позволяло буддийскому духовенству выполнять свою основную функцию — духовное служение калмыцкому народу.

С изменением политического руководства молодое советское государство вынуждено было реконструировать модель государственно-церковных отношений. С установлением советской власти коренным образом меняется ситуация в этой области. Первые акты советской власти, подписанные В. И. Лениным, трансформировали конфессиональную политику и в целом нацеливали на уничтожение религии и церкви. Нами предпринята попытка проанализировать наиболее значимые антирелигиозные акции партии большевиков и органов власти, а также сделать выводы о выборности правильности и необходимости реализации этих проектов.

Буддийское духовенство по праву можно считать одним из основных идеологических противников советской власти, хотя во время российской революции и Гражданской войны наблюдается активный всплеск деятельности калмыцкого духовенства и калмыцкой интеллигенции, совпадающей с интересами партии большевиков. Буддийские лидеры активно включились и участвовали во всех общественно-политических событиях, происходивших в Калмыкии. Лама калмыцкого народа Чимид Балданов находился на государственной службе и состоял в штате калмыцкой секции Астраханского губернского исполкома советов до марта 1918 г.

Однако большая часть буддийского духовенства заняла выжидательную и нейтральную позицию, вплоть до окончания Гражданской войны. В период российской революции (февраль–октябрь 1917 г.) у калмыцкого буддийского духовенства наблюдается активная связь с буддистами из других регионов России.

В представленном исследовании нами определены и выделены основные этапы репрессивной политики по отношению к буддийскому духовенству. Первый этап 1917–1920 гг. включает, по сути, революционные события и захват власти в стране, далее грабеж церквей и хурулов белыми и красными частями воинских подразделений. Ко второму этапу (1921–1923 гг.) отнесем массовый голод в Поволжье, изъятие церковных ценностей и имущества для голодающего населения. Для 2-го этапа характерна попытка властей уничтожить духовенство изнутри путем внесения раскола среди религиозных деятелей. Третий этап, коллективизация (1929–1931 гг.), олицетворяет собой массовые репрессии по отношению к кулачеству и духовенству. Началом активных репрессивных операций послужило Постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Четвертый этап, годы «Большого террора», связан с массовыми политическими репрессиями (1937–1938 гг.), гибелью религиозных деятелей всех конфессий, арест и расстрел партийно-государственной номенклатуры и управленческо-хозяйственных работников.

Первый этап, на наш взгляд, характеризуется революционным хаосом, вседозволенностью, безнравственностью и разрушением религиозных культов, гибелью или отходу от буддийских дел многих священнослужителей. Согласно первому декрету «О земле» в октябре 1917 г. церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» (Первые Декреты Советской власти: 13). Как один из основных землевладельцев, с установлением советской власти, буддийская церковь лимитировалась в хозяйственной деятельности и, тем самым, лишалась мощного экономического базиса. Следующий акт, декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишал прав собственности и юридического лица церковь и религиозные общины (Собрание узаконений 1918. №18: 263). Конфискации подлежали ценные вещи, не относящиеся к процедуре богослужения. Чуть позже выходит

более жесткий документ «Инструкция о порядке осуществления Декрета», регламентирующий церковную жизнь, и создается Ликвидационная комиссия (отдел) НКЮ РСФСР (Народный комиссариат юстиции) во главе с П. А. Красиковым, призванная упразднить административно-управленческие церковные структуры. Данный отдел являлся главным подразделением в структуре органов власти, осуществляющим церковную политику в советском государстве.

В июле 1918 г. на I съезде Советов депутатов трудового калмыцкого народа в решении по финансовому вопросу новая власть решила на содержание ламы калмыцкого народа и других священнослужителей никаких средств не предусматривать (Установление и упрочение, 1973: 65–66). На этом же съезде решено было лишить права участия в государственных и административно-судебных службах «наряду с другими социально чуждыми элементами и священнослужителей различных религиозных культов» (Установление и упрочение, 1973: 65–66). Уже в сентябре А. Ч. Чапчаев¹ в своем докладе на I Астраханском совещании заведующих отделами внутреннего управления прямо указывал, что «догматы буддийской религии, каковую исповедуют калмыки, строго воспрещают буддийскому духовенству вмешиваться в мирские дела» (Установление и упрочение, 1973: 95), тем самым говоря об отделении церкви от государства.

В 1918 г. ужесточается экономическое и административное давление органов управления в отношении религии. Хотя можно с полной уверенностью сказать, что органы власти Калмыкии, в силу субъективных и объективных причин, сложившихся в Калмыцкой степи, вплоть до осени 1918 г. не вмешивались в сферу экономики интересов буддийской церкви.

В ноябре 1918 г. Ликвидационная комиссия НКЮ РСФСР, занимающаяся упразднением административно-управленческих церковных структур, запросила от республиканских и областных исполкомов, в том числе и Калмыцкого, конкретных сведений о проведении на местах национализации церковного имущества. Согласно этому запросу, II чрезвычайный съезд Советов Калмыкии принял решение для размещения призывников красноармейцев калмыцкой национальности реквизировать кибитки не только у зажиточного населения, но и у хурулов. Более того, первый съезд представителей земельных отделов и аймачных советов Калмыкии вынес постановление, что все имущество буддийской церкви, ее живой и мертвый инвентарь, т.е. скот, постройки и ценности, как имущество нетрудового хозяйства, объявлялось народным достоянием и бралось на учет советскими органами на местах. С этого времени меры экономического давления на буддийскую церковь постепенно усиливаются. В декабре 1918 г. на III съезде Советов депутатов трудового калмыцкого народа при взыскании чрезвычайного революционного налога предлагалось особое внимание обратить на гелюнгов и в постановлении съезда указывалось: «Зарегистрировать всех богачей, спекулянтов...и гелюнгов и при взыскании с них налогов принять самые репрессивные меры» (Установление и упрочение, 1973: 167). В принятой резолюции съезда буддийское духовенство уравнивалось со всеми спекулянтами и депрессивными элементами того времени.

Маховик репрессивной машины новой власти против духовенства всех конфессий был полностью запущен, начиная с методов административных и канцелярских силовыми. Начиная с 1919 г. калмыцкое руководство стало энергично

¹Председатель ЦИК трудового калмыцкого народа (1918 г.)

национализировать и экспроприировать церковное имущество. Так, местные власти Сереб-Джаповского аймака (деревни) Хошеутовского улуса (района) приняли решение «принадлежащий хурулу скот признать общественной собственностью аймака», обязав аймачный совет взять его на учет и неукоснительно выполнить данное решение (Маслов, 1962: 59–60). В целом весь национализированный хурульный скот был передан для выпаса и охраны аймачным исполкомам (Очерки истории КАССР, 1970: 79).

В Калмыкии борьба с религиозными воззрениями населения началась не сразу. В годы Гражданской войны большевистская власть имела еще слабые позиции в реализации своих идей, а буддийские священнослужители не оказывали отрицательного влияния на политические настроения калмыцкого населения. А.Ч. Чапчаев утверждал, что буддийское духовенство в Калмыкии «всегда стояло в стороне, как от внутренней жизни калмыцкого народа, так и вообще от политики» (Установление и упрочение, 1973: 95). На территории Калмыкии в период Гражданской войны многие буддийские монахи покинули свои хурулы, опасаясь грабежей противоборствующих сторон. Священнослужителями были даже временно прекращены занятия в хуруле Цанид-Чойра (Басхаев, 2007: 80).

Понимая свои перегибы, VIII съезд РКП (б), состоявшийся в марте 1919 г., постановил: «РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду» (КПСС в резолюциях, 1954: 123). Уходящий год не внес позитивных перемен во взаимоотношения государства и церкви. Несмотря на решение партии, органами управления на местах духовенство, по-прежнему, рассматривалось как чуждый и вредный элемент. В этот же период по стране развернулась масштабная операция по уничтожению мощей святых праведников Православной церкви и по отношению к калмыцкому буддийскому духовенству большевики поступали также: «Он (Платовский хурул донских калмыков) был всеми покинут. Двери и окна, как в домах гелюнгов, так и в главном храме-сюме, были открыты, часть мебелировки была выброшена... видел большое бронзовое вызолоченное изображение Будды. Красные его сделали мишенью для стрельбы. Грудь изображения Будды была во многих местах пробита пулями... В другом месте огромная библиотека Ново-Алексеевского хурула... была обращена в подстилку для окопа... из шелковых изображений Будды жены красноармейцев шили себе юбки» (ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 9. Л. 79). Известный русский писатель И.А. Бунин отмечал: «Тысячами, целыми вагонами доставляли в Ростов и богов их (калмыков), оскверненных, часто на куски разбитых, в похабных надписях Будд. От жертвенников, от кумирней не осталось теперь, может быть, ни единого следа» (цит. по: Басхаев, 2007: 80). Так советские органы власти продемонстрировали свою силу и тем самым усилили командно-административный режим в отношении духовенства.

В трудный для всего калмыцкого народа период в 1920 г. состоялся первый Общекалмыцкий съезд Советов с принятием Декларации прав калмыцкого трудового народа. Воодушевленные делегаты предлагали включить в повестку дня вопрос о

религии и церкви. Часть импульсивных делегатов (Маслов, 1962; Амур-Санан, 1922; Кануков, 1973) хотела полностью аргументировано развенчать и рассеять религиозный туман, однако А. Ч. Чапчаев и К.Р. Генценберг, уполномоченный ВЦИКа и Наркомнаца, убедили делегатов съезда в том, что советская власть вопрос о религии разрешила положительно «для всех вероисповедных культов в одинаковой степени» и посчитала, что нет необходимости ставить вопрос о религии в повестку дня (НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 174. Л.1–4). Представители буддийского духовенства были приглашены на съезд в качестве наблюдателей без права голоса.

Органы власти в первые годы советской власти не смогли справиться с влиянием церкви на верующих. Большая часть населения продолжала испытывать потребность в религиозной вере. Исходя из этого, государство решило отказаться от силовых методов и перейти к реализации долгосрочной программы — дестабилизации церкви извне. Внесение раскола в церковные ряды осуществлялось путем раздувания разногласий между церковными лидерами ортодоксально-консервативных и модернистско-обновленческих группировок и втягивания в конфликт широких масс верующих. Все это должно было привести к постепенному распаду единого конфессионального поля.

В Калмыкии обновленческое движение, инициированное и активно поддерживаемое руководством того времени, берет свое начало с 1920 г. Обновленческое движение в Калмыцкой автономной области возглавил хамбо-лама Агван Дорджиев, представитель Далай-ламы XIII¹; Гавва Сеперов, шаджин-лама калмыцкого народа с 1920 г.; Шараб Тепкин, заместитель представителя Тибета в РСФСР с 1922 г., представитель «консерваторов»

К началу 1921 г. произошло определенное затишье в отношениях между советским государством и религией. Позиция В.И. Ленина изменилась от штурмовщины к антирелигиозной пропаганде (Шахнович, 1961: 350).

Второй этап характеризуется политикой «военного коммунизма», разрухой и массовым голодом. В этот период ярые антирелигиозные деятели (В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий) жаждали полной и окончательной победы над религией. Хорошим поводом послужил вспыхнувший в 1921 г. массовый голод, охвативший почти 40 % территории страны. Российское крестьянство замерло на грани морального надлома, физического вымирания, деградации общества, полного хозяйственного коллапса. Как писала газета «Известия», «В Ставропольской губернии с весны 1921 г. голодало более 400 тыс. чел... город Николаевск (под Самарой — Е.Б.) вымирает. В уезде 85 % населения голодает. Съедено все — старые тулупы, обрезки кожи и т.д. Собаки и кошки — роскошь (Известия. 20 апреля. 1921. № 86). В те дни А. М. Амур-Санан, член Калмыцкого исполкома, эмоционально отмечал, что «калмыцкий народ переживает черные дни вымирания... Калмыки молча и безропотно мрут. Такой уж странный, полный фанатизма народ предпочитает умереть в своих степях, чем доставить беспокойство другим» (Амур-Санан, 1922: 9).

27 декабря 1921 г. выходит декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», и уже 22 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии ненужных для богослужения ценностей церквей и монастырей, «могущих быть средством

¹Далай-лама с XVI в. титул тибетских первосвященников; от монгольского «далай» – море (мудрости) и лама.

борьбы с голодом в Поволжье и обсеменения полей» (ГА РФ. Ф.Р-1065. Оп. 4. Д. 31. Л. 139). А в марте 1922 г. принято постановление об изъятии всех церковных ценностей. Поскольку 19 марта 1922 г. в своем секретном письме В.М. Молотову (*письмо не разрешалось копировать и распространять. — Е.Б.*) вождь мирового пролетариата В. И. Ленин дает прямые указания: «провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам этому поводу расстрелять, тем лучше» (Архивы Кремля, 1997: 140–144). По опубликованному постановлению, повсеместно создавались секретные комиссии по изъятию церковных ценностей, а также официальные комиссии при комиссиях помощи голодающим. На самом деле изъятием ценностей руководила секретная комиссия. В Калмыцкой автономной области руководителем официальной комиссии по изъятию церковных ценностей от обкома РКП (б) назначали Улюмджи Лавгаева (Зодбаева, по другим документам), а в секретную комиссию по изъятию вошла «тройка»: Козлов, заведующий отделом обкома РКП(б); А. Г. Маслов, командующий частями особого назначения (далее ЧОН), и Кантер, начальник отделения Астраханского ГПУ. Секретной комиссией поручалось всем улусным (уездным) исполкомам в месячный срок изъять из церковного имущества предметы из золота, серебра, драгоценных камней (НА РК Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 15). В этот период калмыцкое духовенство имело значительный авторитет, к мнению которого прислушивались верующие, и именно ему зачастую принадлежала ведущая роль в формировании общественного мнения (в данном случае о процессе изъятия хурульных ценностей. Областные органы власти по изъятию церковных ценностей вынуждены были обратиться к руководителям буддийского духовенства. Поэтому члены ЦИК Чавычалов и представитель Манычского улусного исполкома Лиджиев отправились в Чоря-хурул к ламе калмыцкого народа Гавве Сеперову¹.

Как рапортовали представители местных властей, предпринятые меры по изъятию ценностей имели определенный успех. На местах органами власти выносились резолюции о немедленном изъятии и повсеместном его одобрении в условиях голода в стране. Случаев протеста, как в центральных областях, в Калмыкии не наблюдались, а если и были, то сразу же подавлялись органами ГПУ. И как сообщали в центр органы управления, «в улусах (уездах) оценивалось настроение буддийского духовенства как благожелательное, открытых контррвыступлений не отмечалось, изъятие проходило в спокойном русле и в нормальных условиях» (НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д.19. Л.72).

Хотя во многих хурулах изымать, собственно, было нечего. Представитель официальной комиссии по изъятию церковных ценностей У. Лавгаев сообщал, что «в Малодербетовском улусе церкви и хурулы были так бедны, что изъять у них, за исключением Киселевской церкви, нечего» (НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д.280. Л.18).

¹Лама калмыцкого народа, назначен на 1 съезде калмыцкого духовенства (1920 г.), обучался в Тибете (1900-1916 гг.), представитель обновленческого движения, сторонник Хамбо-ламы А. Доржиева.

Обследования на территории Калмыцкой автономной области православных церквей Ремонтненского уезда, хурулов Манычского, Икицохуровского улусов дали такие же неутешительные результаты для руководителей органов управления области. На специальном заседании Президиума Калмыцкого областного исполкома отмечалось, что «в Калмоласти нет ни монастырей, ни богатых церквей, ибо там не употребляются ни золотые, ни серебряные вещи и все украшения состоят из разрисованных образов Будды на полотне и редко шелке...» (НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д.312. Л.80б). Тем не менее, изъятые из хурулов предметы нередко имели историческую музейную ценность. Они в основном приобретались на народные пожертвования. Эти хурульные ценности придавали службе торжественность и великолепие, что имело не только эстетическое, но и идеологическое значение. К сожалению, кампания по изъятию церковных ценностей не улучшила благосостояние не только голодающих Поволжья, но и иных граждан страны Советов. Не принимая во внимание кощунство проводимых деяний, даже с экономической точки зрения, это было преступление. Народное достоинство разрывалось небольшой кучкой функционеров.

Таким образом, изъятие хурульных ценностей практически уничтожало культурное наследие монгольских народов. Таким образом, кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г. явилась крупнейшей антирелигиозной кампанией, направленной на ликвидацию церкви, уничтожение буддийского духовенства и устранение религии из общественного сознания. По сути, данная акция проводилась не только в помощь голодающим, она была направлена на экономический подрыв всего духовенства и его экономической независимости. Под лозунгом спасения голодающих власти накапливали свой собственный капитал. Карательные методы проведения кампании превратили ее в поле битвы, где они одержали сокрушительную победу над религией. В докладных записках НКВД на имя руководителей области все чаще указывалось на расхищение конфискованного хурульного имущества и ценностей, как в улусах, так и на местах в сельских советах: «присвоение изъятых хурульных ценностей... причем способствующим фактором является полное отсутствие учета ценностей, так как на местах не оказалось актов и описей ценностей золотых и серебряных вещей. Массовое злоупотребление, грубейшее нарушение революционной законности» (НА РК. Ф.П-1. Оп.2. Д. 147. Л.17).

В конечном итоге в области были изъятые следующие церковные ценности: «в серебряных изделиях и номе 28 фунтов 37 ½ зол.; разных дефектных мелких и крупных серебряных монет 2 фунта 75 зол.; разных дефектных разменных монет 106 штук весом 54 ½ зол.; различные серебряные монеты стоимостью 157 руб. 75 коп.» (НА РК. Ф.Р-82. Оп. 1. Д.164. Л.103).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что партийно-государственное наступление на буддийские институты Калмыкии в 1917–1924 гг. было комплексным процессом, детерминированным как общей антирелигиозной политикой центральной советской власти, так и специфическими региональными особенностями.

Во-первых, была подтверждена ключевая гипотеза о том, что антирелигиозная кампания в регионе носила выраженный репрессивный и опережающий характер. Местные органы власти, зачастую действуя с большей жестокостью и произволом, нежели того требовали директивы центра, использовали революционный хаос и последующие гуманитарные катастрофы (такие, как голод в Поволжье) в качестве удобного прикрытия для тотального подрыва экономической и идеологической основы буддийской церкви. Кампания по изъятию церковных ценностей, формально направленная на помощь голодающим, на практике оказалась циничной акцией по легализованному грабежу, приведшему к невосполнимой утрате культурного и исторического достояния калмыцкого народа.

Во-вторых, была выявлена специфика применяемых методов. Политика советизации Калмыкии в отношении буддизма прошла несколько этапов: от первоначального революционного хаоса и стихийных грабежей (1917–1920) через систематическое экономическое удушение (лишение земли, собственности, дискриминационные налоги) к масштабной конфискационной кампании 1922–1923 гг., которая нанесла буддийским институтам сокрушительный удар. Параллельно власти пытались внести раскол в религиозную среду, поддерживая обновленческое движение, однако эта тактика не принесла ожидаемых результатов в консолидированной буддийской общине.

В-третьих, анализ источников показал, что, несмотря на декларируемое отделение церкви от государства, советская власть с самого начала рассматривала буддийское духовенство не как нейтрального идеологического оппонента, а как «классового врага» и «контрреволюционный элемент». Это предопределило его тотальное устранение из общественно-политической жизни, лишение всех прав и средств к существованию, что противоречило даже ранним советским правовым нормам.

В-четвертых, реакция буддийского духовенства на репрессии была в основном пассивно-сопротивляющейся. Несмотря на отдельные примеры лояльности и попытки диалога, основная часть духовенства, лишённая традиционных источников доходов и подвергаемая систематическому очернению, была не в силах противостоять мощному репрессивному аппарату государства.

Таким образом, политика советской власти в отношении буддийских институтов Калмыкии в исследуемый период имела четкую цель — не просто ослабить, а полностью ликвидировать религию как конкурентную идеологическую систему и независимый социальный институт. Жестокость и методы, апробированные в 1917–1924 гг., заложили основу для последующих, еще более масштабных репрессий эпохи коллективизации и «Большого террора», приведших к почти полному уничтожению организованного буддизма в Калмыкии.

Настоящее исследование носит не только академический, но и мемориальный характер. Оно восстанавливает историческую справедливость и вносит вклад в процесс национального примирения, увековечивая память о жертвах политических репрессий. В качестве практического инструмента для дальнейшей работы в этом направлении автор видит необходимость создания единой электронной базы данных, которая позволила бы систематизировать имена тысяч репрессированных представителей буддийского духовенства, ставших жертвами партийно-государственного наступления на религию.

Л и т е р а т у р а

- Амур-Санан, А. М. (1922). Вымирающая степь. *Жизнь национальностей*. 4(10).
- Архивы Кремля. (1997). В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.: Новосибирск, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф».
- Бадмаева, Е. Н. (2011). Историко-документальные материалы о репрессированных буддийских священнослужителях Калмыкии в конце 1920-х–начале 1930-х гг. *Память мира: историко-документальное наследие буддизма*. М.: РГГУ, С. 285–292.
- Бадмаева, Е. Н. (2006). *Калмыкия в начале 1920-х гг.: голод и его последствия*. Элиста: АОр «НПП «Джангар».
- Бадмаева, Е. Н. (2009). Религиозная политика Советского государства в период нэпа: на примере Калмыцкой автономной области. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 9. История. Политология. Экономика. Информатика. 1. (56). 107–113.
- Бадмаева, Е. Н. (2000). Церковная политика советского государства в Калмыкии в 1921–1922 гг. *Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия*. Санкт-Петербург: СПб государственный университет. 203–205.
- Бакаева, Э. П. (1994). *Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Бакаева, Э. П. (2012). Центральное духовное управление буддистов: представления и реальность. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 4. 34–44.
- Басхаев, А. Н. (2007). *Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг.* Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».
- Бембеес В. Ш., Наберухин А. И. (1985). Революционная агитация и политическое просвещение калмыцких трудящихся в 1917–1919 гг. *Развитие трудовой и политической активности трудящихся Калмыкии в период социализма*. Элиста. 20–43.
- Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ) Ф.Р-1065. Оп. 4. Д. 31. Л. 139. ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 9. Л. 79.
- Дорджиева, Г. Ш. (1995). *Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.)*. Элиста: АПП «Джангар».
- Дорджиева, Г. Ш. (2012). *Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII — начало XX вв.)*. Элиста: изд-во Калм. ун-та.
- Дорджиева, Г.Ш. (2001). *Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX — первой половине XX века*. Москва.
- Дорджиева, Г.Ш. (2014). *Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии*. Элиста: издательство Калмыцкого университета.
- Душан, У. Д. (1928). *Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними*. Астрахань. Известия (1921). 20 апреля. 86.
- Кануков, Х. Б. (1926). *Буддо-ламаизм и его последствия*. Астрахань.
- Кануков Х. Б. (1973). Товарищи донские калмыки // *Избранные статьи, речи и выступления (1918–1927 гг.)*. Элиста: Калм. кн. изд-во. 23–26.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I* (1954). Москва: Госполитиздат.
- Ленин, В. И. (1969). *Об атеизме, религии и церкви: сборник статей, писем и др. материалов*. Москва: Мысль.

Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) (1918). *СУ РСФСР*. № 51. ст. 582.

Максимов, К. Н. (2011). Исторические источники по изучению репрессивной политики советского государства против буддийского духовенства в 1920– начале 1930 гг. *Память мира: историко-документальное наследие буддизма*. Москва: РГГУ. 275–284.

Максимов, К. Н. (2004). *Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг.* Москва: Наука.

Маслов, А. Г. (1962). *Страницы былого: из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 15.

НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д.280. Л.18.

НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д.312. Л.8об.

НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 174. Л.1–4.

НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Д.19. Л.72.

НА РК. Ф.Р-82. Оп. 1. Д.164. Л.103.

НА РК. Ф.П-1. Оп.2. Д. 147. Л.17.

Овчинников, В. (1967). Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства. *Ученые записки Читинского пединститута*. Чита. 15. 42–49.

Орехов, И. И. (1977). Ламаистское духовенство Калмыкии в начале XX века. *Ламаизм в Калмыкии*. Элиста: КНИИЯЛИ. 50–55.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Т.2. Эпоха социализма. (1970). Москва: Наука.

Плюнов, Ф. И. (1922). Некоторые моменты из жизни калмыцкого народа, предшествующие революционной эпохе в России. *Ойратские известия*. Астрахань.

Первые Декреты Советской власти. (1979). Москва: Политиздат.

Синицын, Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб: изд-е А.А. Терентьева, 2013. 528 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). (1918). №18. С. 263.

СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II. Ст. 15. П. «м».

Убушиева, С.И. (1984). Массовая атеистическая работа в Калмыкии в 1929–1937 гг. *Развитие трудовой и политической активности трудящихся Калмыкии в период социализма*. Элиста: КНИИИФЭ. 82–95.

Убушиева, С. И. (1980). Первые мероприятия Советской власти в Калмыкии по реализации Декрета о свободе совести (1918–1920 гг.). *Калмыкия в трех революциях и гражданской войне*. Элиста: КНИИИФЭ. 137–146.

Убушиева, С. И. (1983). Развитие массового атеизма и распространение материалистического мировоззрения в Калмыкии в период строительства социализма. *Материальная и духовная культура калмыков*. Элиста: КНИИИФЭ. 95–109.

Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (январь 1918– апрель 1919 гг.). (1973). Сб. док. / Под ред. Д. А. Чугаева. Элиста: Калм.кн. изд-во, 352 с.

Шахнович, М. И. (1961). *Ленин и проблемы атеизма*. Москва: изд-во АН СССР.

Чапчаев, А.Ч. (1970). Калмыки и Октябрьская революция. *Записки*. 9: Серия историческая. 234–249.